

Николай Полевой

**Хань-вынь-
ци Мын.**

Китайская Грамматика,...

Николай Алексеевич Полевой

**Хань-вынь-ци Мын.
Китайская Грамматика,
сочиненная монахом
Иакинфом**

«Почетное место занимает между литераторами Русскими почтенный о. Иакинеъ, и безспорно, первое между ориенталистами Русскими по своимъ практическимъ и полезнымъ трудамъ. Отнюдь не думаемъ мы унижать нашими словами другихъ почтенныхъ людей, занимающихся у насъ Востокомъ и его языками и литературами, каковы г-да Френъ, Шмидтъ, Ковалевскій, Сенковскій, и другіе...»

Содержание

Николай Алексеевич Полевой Хань-вынь-ци Мынъ. Китайская Грамматика, сочиненная монахомъ Іакинѳомъ. Напечатанная по Высочайшему повелѣнію. Спб. въ литографіи Гемильяна, 1838 г., въ 4, XXII и 237 стр.	0004
#2	0005
#3	0036
#4	0069
#5	0070

**Николай Алексеевич
Полевой**

Хань-вынь-ци Мынь.

**Китайская Грамматика,
сочиненная монахомъ**

**Іакинѳомъ. Напечатанная по
Высочайшему повелѣнію.**

Спб. въ литографіи

**Гемильяна, 1838 г., въ 4, XXII
и 237 стр.**

Почетное мѣсто занимаетъ между литераторами Русскими почтенный о. Іакинѣъ, и безспорно, *первое* между ориенталистами Русскими по своимъ практическимъ и полезнымъ трудамъ. Отнюдь не думаемъ мы унижать нашими словами другихъ почтенныхъ людей, занимающихся у насъ Востокомъ и его языками и литературами, каковы г-да Френъ, Шмидтъ, Ковалевскій, Сенковскій, и другіе. Но никто изъ нихъ донынѣ не показалъ однокоржъ болѣе трудолюбія по своему предмету, не приготовилъ столько матеріаловъ для другихъ по своей части, не передалъ столько любопытнаго изъ того, что сдѣлалось ему извѣстно. Донынѣ издано о. Іакинѣомъ около девяти переводовъ и сочиненій, касательно Китайскаго востока. Сюда принадлежатъ его *Записки о Монголіи* (путешествіе изъ Пекина до Кяхты, описаніе и исторія Монголіи); *Исторія первыхъ четырехъ Хановъ Монголіи*, начиная съ Темудзина; *Исторія Тибета и Хуннора*; *Историческое обозрѣніе Ойратовъ, или Калмыковъ*; *Описаніе Чжуньгаріи (Зюнгоріи) и Восточнаго Туркистана*; *Планъ*

и опи *саніе Пекина*; наконецъ *Троесловіе*, элементарная книга Китайцевъ. Не говоримъ о полемическихъ сочиненіяхъ нашего хинолога, по поводу споровъ съ разными Европейскими учеными; не говоримъ и о приготавлиемомъ, и уже конченномъ въ рукописи обширномъ сочиненіи, которое надобно почесть самымъ лучшимъ и подробнымъ, систематическимъ описаніемъ Китая, и энциклопедіею, такъ сказать, всѣхъ знаній Китайцевъ. Это сочиненіе, когда будетъ оно издано, безъ сомнѣнія, превзойдетъ все, что только было донынѣ извѣстно въ Европѣ касательно Китая.

Обращаясь къ новому, только что изданному теперь о. Іакинѳомъ труду, его Китайской Грамматикѣ, скажемъ, что сочиненіе это не уступаетъ важностью другимъ трудамъ нашего почтеннаго литератора, и проливаетъ совершенно новый и ясный свѣтъ на предметъ малоизвѣстный, и до сихъ поръ ложно представляемый, отличаясь своею ясностью, краткостью, систематикою, и полнымъ и совершеннымъ познаніемъ дѣла, отъ всего, что донынѣ было писано о Китайскомъ языкѣ и

его грамматикѣ.

Если съ одной стороны, надобно изумляться многообъемлемости знанийъ человеческихъ, то съ другой не менѣе изумительны ограниченность и односторонность нашего частнаго ученія. Увлекаясь какимъ нибудь однимъ предметомъ, какимъ нибудь однимъ занятіемъ, мы до того пренебрегаемъ все остальное, что ученое невѣжество наше становится иногда истинно смѣшнымъ. Исключительность ученія вашего производитъ гордое презрѣніе къ тому, чего мы не знаемъ, вредитъ общему просвѣщенію и образованію нашему, и благодаря тому и другому, до сихъ поръ поддерживается въ свѣтѣ несчастное повѣрье и присловье: *наука долга, а жизнь коротка*. Наука долга и коротка, смотря по тому, какъ мы глядимъ на нее; долга она, если каждое знаніе постараемся мы знать до возможныхъ подробностей, и коротка, если знаніе наше ограничимъ мы главнымъ, общимъ, существеннымъ. Намъ возразятъ, что такое знаніе недостаточно, поверхностно, но достаточнѣе-ли его совершенное незнаніе? Что касается до обвиненія въ поверхности, то

едва ли будетъ оно справедливо въ семь случаѣ. Возьмемъ въ примѣръ языкоученіе: можно рѣшительно выучиться всякому языку въ годъ, такъ чтобы читать и понимать все, писанное на немъ, и – жизни человѣческой не достанетъ на изученіе даже своего роднаго языка, которымъ говоримъ мы съ малолѣтства! Но должно ли назвать «поверхностнымъ» знаніе того или другаго языка, если я, вполне понимая писанное на немъ, умѣя передать сокровища его на свой языкъ, зная грамматическія основанія его, не могу писать на этомъ языкѣ, не могу отдать отчета въ его исторіи, филологическихъ трудностяхъ, палеографической лѣтописи? Обратимъ нашъ примѣръ къ другому, и спросимъ: не долженъ-ли, напримѣръ, поэтъ знать главныхъ основаній естествознанія, или филологъ математики? Незнаніе самыхъ главныхъ основаній того и другаго не сдѣлаетъ-ли идеи ихъ неполными, мыслей сбивчивыми и ложными? Но такъ водится обыкновенно въ свѣтъ, и наши поэты увѣряютъ, что имъ для поэзіи вовсе нѣтъ надобности вѣдать великія тайны природы, а филологи говорятъ, что ма-

тематика есть наука, иссушающая душу. За то ученые мстятъ имъ совершеннымъ презрѣніемъ съ своей стороны, хотя математикъ является не менѣ забавенъ, ограничиваясь только плюсами и минусами, а зоологъ не восходя далѣе копытъ и зубовъ четвероногаго. Какъ будто нарочно, каждый путается послѣ сего въ мелкой дробѣ своего познанія, клеить частныя системы, загораживается отъ другихъ ученою номенклатурою, и дѣйствительно, каждая наука, изъ яснаго, чистаго простаго вѣдѣнія дѣлается схоластическою путаницею, говоритъ своимъ непонятнымъ языкомъ, становится какимъ-то Египетскимъ гіерофантисмомъ.

Неужели не явенъ и не ощутителенъ вредъ, происходящій отъ всего этого? если бы науки и знанія дружески подавали одна другой руки, совѣтовались взаимно, поясняли взаимно языкъ и идеи свои, истинная польза произошла-бы для ученія вообще, приложилась къ общественной практикѣ, облегчила, упростила новыя открытія, сняла съ умовъ кандалы мелкихъ понятій и превратныхъ идей, происходящихъ отъ упрямой близору-

кости и ученаго невѣжества. Изученіе общихъ истинъ всякаго знанія полезно всякому, и повѣрьте, что оно совсѣмъ не трудно, если мы не затруднимъ его вздорною схоластикою и ложными системами.

Всѣ сіи мысли, неоднократно приходившія намъ въ голову, неволью пришли намъ опять при чтеніи любопытнаго сочиненія о Такинѣа.

Есть у насъ какія-то закоренѣлыя особенно понятія о томъ, или о другомъ. Мы привыкли, напримѣръ, считать Бакона реальнымъ философомъ, Спинозу безбожникомъ, и къ такимъ предразсудкамъ принадлежатъ наши понятія о Китаѣ вообще, и Китайскомъ языкѣ особенно. Мы смѣемся надъ понятіями Китайцевъ объ Европѣ, но не въ правъ ли Китайцы смѣяться надъ нами, если бы слышали и понимали, что говоримъ и думаемъ мы объ нихъ? Ни одинъ изъ чуждыхъ нашего образованія народовъ не представляется намъ такимъ непонятнымъ, такимъ страннымъ, какъ Китайцы. Не постигая первобытной исторіи ихъ, не умѣя разгадать будущности *Великой Небесной Имперіи*, мы видимъ въ Ки-

тайцахъ что-то не человѣческое, окаменѣлое, пестрое, растительное, не вѣримъ мудрости ихъ философіи, величію ихъ политической самобытности, отчисляемъ ихъ въ антиподы рода человѣческаго. Намъ не совѣстно кажется оставлять въ забвеніи сотни милліоновъ самаго крайняго Востока, царство, имѣющее столь великое, политическое и нравственное вліяніе на Японію, Монголію, Среднюю Азію, восточный Индѣйскій полуостровъ, Малайскій архипелагъ, народъ, обладавшій великими тайнами искусства гораздо прежде насъ, и одинъ изъ древнѣйшихъ въ мірѣ народовъ по образованію. Не споримъ о пользѣ изученія Востока Санскритскаго, Арабскаго, Персидскаго, но почему забываемъ мы Китайскій Востокъ? Почему не хотимъ мы даже заглянуть въ Китайскую литературу? Изученіе ея неужели не подарило бы насъ новыми и важными истинами? Между тѣмъ, изученіе Китая, познаніе языка его и литературы совершенно пренебрежены въ Европѣ. Мы сохраняемъ еще донынѣ множество ошибочныхъ извѣстій, какія доставлены были намъ старинными миссіонерами, вѣримъ раз-

сказамъ путешественниковъ невѣждѣ, мимоходомъ глазѣвшихъ на лаковыя жилища и изразцовыя башни Китайцевъ, извѣстіямъ переданнымъ черезъ десятыя руки, пустымъ компиляціямъ. Во Франціи только въ послѣднее время стали заниматься немного Китайскимъ языкомъ. Англія донынѣ оказываетъ удивительное хладнокровіе къ Китаю, въ сравненіи съ темъ, что она сдѣлала для остальнаго Востока. Послѣ трудовъ О. Такинѳа, насъ, Русскихъ, конечно, не упрекнутъ въ подобномъ равнодушіи, вспомня притомъ посильныя наши прежніе труды, и особенное попеченіе правительства нашего, которое учредило теперь практическую школу Китайскаго языка въ Кяхтѣ, и каѳедру Китайскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ.

При непростительномъ небреженіи къ дѣлу людей, отъ которыхъ зависитъ наука, удивляться ли, что толпа съ изумленіемъ смотритъ донынѣ на Китайскія куклы и Китайскія буквы равно, и въ пестротѣ Китайскихъ письменъ видитъ какую-то тарабарскую грамату? Съ важностью повторяютъ намъ, что у Китайцевъ 100,000 буквъ; что

Китайскія буквы суть затруднительныя гіероглифы; что изученіе Китайскаго языка превосходитъ трудностью все, что только можно себѣ вообразить.

Не удивимъ ли мы нашихъ читателей, сказавши имъ то, въ чемъ убѣдили насъ прилежное чтеніе Китайской грамматики О. Іакинѳа, и бесѣда съ симъ почтеннымъ хинологомъ нашимъ, не удивимъ ли, сказавши, что языкъ Китайскій есть одинъ изъ самыхъ легкихъ для изученія: что все говоренное намъ о безчисленности Китайскихъ буквъ и неопредѣленной символикѣ ихъ — сущій вздоръ?

Рады будемъ такому удивленію, ибо послѣ того, конечно, каждому образованному читателю любопытно будетъ узнать дѣло нѣсколько подробнѣе, и мы статьею нашею угодимъ многимъ. Порадуемся и тому, что этимъ воздадимъ мы должную справедливость труду нашего почтеннаго соотечественника.

Нѣтъ надобности восходить къ изъясненіямъ о томъ, что такое языкъ, и что такое *письмена*, или *буквы*. Языкомъ того или

другаго народа называется собраніе извѣстныхъ, опредѣленныхъ звуковъ, коими тотъ или другой народъ выражаетъ свои идеи и понятія. Законы сихъ звуковъ произвольны, и всюду основаны они на непремѣнныхъ и однообразныхъ правилахъ, изъясняемыхъ *всеобщею грамматикою*, разнясь только въ произведеніи самыхъ звуковъ, и въ подробностяхъ развитія, что опредѣляется происхожденіемъ языка, мѣстностью, исторіею его, и составляетъ предметъ *частныхъ грамматикъ* различныхъ языковъ. Письмена совсѣмъ другое: это суть произвольныя, придуманныя человѣкомъ начертанія, или замѣтки, которыми оставляетъ онъ для себя память звуковъ, какъ будто схватывая ихъ на лету, переводя ихъ, такъ сказать, изъ времени въ пространство, изображая для глазъ и зрѣнія. Письмена, или начертанія, будучи постепеннымъ созданіемъ человѣка, подвергаясь его волѣ и прихоти, должны были быть повсюду разнообразны, несовершенные, неполны и произвольны.

Два рода понятій приходили въ мысль

человѣка при составленіи письменъ.

По одному изъ нихъ, человѣкъ хотѣлъ замѣнить условными изображеніями цѣлые предметы вполнѣ. Такъ звуки, означающіе, напримѣръ, понятія: *солнце, человѣкъ, громъ*, Перуанецъ изображалъ какими-то узелками, Мексиканецъ картиною, разные народы нарѣзками. Неудобства такихъ начертаній состояли въ томъ, что умножая число знаковъ до бесконечности, не выражая ими отношеній между предметами, и оставляя темноту въ смыслѣ, предметная азбука должна была быть затруднительна, многосложна и не точна.

Гораздо совершеннѣе былъ другой родъ понятій, состоявшій въ глубокой мысли, которую разгадалъ человѣкъ, что всѣ слова состоятъ изъ немногихъ основныхъ звуковъ, и образуются только различною *разстановкою* звуковъ и *придыханіями*, и что слѣдовательно, если найти знаки для немногихъ основныхъ звуковъ, то перестановкою ихъ и знаками *придыханій* можно будетъ, при *немногихъ* знакахъ, выражать все *безчисленное множество* составныхъ словъ. На это-

мъ основана звуковая азбука, начало, и мѣсто изобрѣтенія которой неизвѣстны. Напрасно мудрому Кадму и Халдеямъ приписывали прежде первое начало азбучныхъ письменъ: въ Индіи, колыбели человѣческихъ знаній, мы находимъ самую древнѣйшую, удивительно полную и самую совершеннѣйшую азбуку, Санскритскую. Впрочемъ, великое изобрѣтеніе это могло совершиться во многихъ мѣстахъ отдѣльно; такъ Бертольдъ Шварцъ могъ изобрѣсть порохъ, не зная употребленія его Китайцами, и Европа могла вѣдать о компасѣ и безъ знакомства съ отдаленнымъ Востокомъ. По крайней мѣрѣ, при основномъ одинакомъ началѣ, ибо оно повсюду основалось на природѣ языка человѣческаго, мы ни какъ не можемъ отдать преимущества древности одной азбуки передъ другою, находя только, что всѣ они, даже употребляемыя просвѣщенными Европейцами, недостаточнѣе и несовершеннѣе Санскритской.

Спрашивается, что же такое *Китайскія письмена*: гіероглифы ли они, выражающіе полные предметы, безъ грамматическихъ по-

дробностей, или буквы, выражающія только звуки, и всѣ притомъ подробности грамматическихъ отношеній? Собственно, они и то и другое. Это покажется сначала непонятно, но дѣло объясняется общею идеею, которая служитъ разгадкою всего быта Китайцевъ.

Идея быта сего достопамятнаго народа состоитъ въ томъ, что Китай представляетъ собою одно изъ громаднѣхъ явленій Восточной жизни, образованное въ слѣдствіе одного, предварительно философически и политически обдуманнаго, и неизмѣннаго, умственнаго понятія. Не знаемъ, когда переселилась на свое мѣсто, и какъ составилаь эта отличная порода Азіяцевъ, но переселеніе ея нѣкогда было, произойти ей слѣдовало; надобно было перенести ей и множество внутреннихъ революцій, тяжкихъ войнъ, непріятельскихъ нашествій, перетерпѣть систему удѣловъ и феодализма, и наконецъ образоваться, не только въ политическомъ единомудержавіи, но и въ неизмѣнномъ общественномъ порядкѣ. Это мы видимъ отчасти въ Индіи, гдѣ порядокъ основанъ на раздѣленіи кастъ. Индія можетъ быть покорена, завоевана, во ничто не

измѣнить общественной конституціи Индусовъ, основанной на религіозныхъ раздѣленіяхъ. Еще выше конституція Китайцевъ. Она основана на умственныхъ выводахъ великихъ мудрецовъ, которыхъ потомство причло въ боги. Они установили основную идею своей религіи, своего правленія, отношеній подданныхъ къ государю, и постепенно изъ основныхъ идей ихъ образовался религіозно-политическій, общественный бытъ Китайцевъ. Положено, что *основныя идеи* всего суть неизмѣнны во вѣки. Но Китай не отвергалъ и не отвергаетъ прибавленія и раздробленія частныхъ. Отдѣленный географически отъ мятежнаго міра западной Азіи, онъ принимаетъ совершенствованія, новыя идеи и понятія, но присоединяетъ ихъ къ своимъ основнымъ идеямъ, оставляя сіи идеи неприкосновенными, приновляя все новое къ системѣ древней и основной, и уподобляясь Океану, въ который вливаются рѣки и источники. Основная идея облечена въ Китаѣ въ *законъ и власть*. Все исходитъ отсюда, но и законъ и власть суть блюстители только *истины и по-*

рядка, которые признаны единожды навсегда, и должны кончиться только съ гибелью и истребленіемъ всего, какъ основные законы природы должны кончиться только съ разрушеніемъ міра. Изумительное, чудное, приводящее къ великой думѣ явленіе челоѵчества!

Такъ и языкъ *Китайскій*. Въ отдаленнѣйшія времена, когда варварство тяготѣло надъ раздѣленнымъ Китаемъ, нѣсколько мудрецовъ опредѣлили число, рядъ и порядокъ идей и предметовъ, и придумали для нихъ знаки. Это были собственно гіероглифы, (принимая сіе слово, какъ символъ предметовъ, а не *священное письмо*, что означалось у Египтянъ словомъ *гіероглифъ*), и всѣ они грубо изображали даже подобіе самихъ предметовъ, причемъ незримыя идеи выражались подобіемъ видимыхъ. Начертанія сіи потомъ измѣнялись, принимали свой характеръ, и окончательно перешли въ собраніе чертъ. Прибавками знаковъ стали изображать грамматическія отношенія одного предмета къ другому. Всѣ новыя идеи и предметы были приложеніемъ къ первона-

чальнымъ, и наконецъ составилаь такимъ образомъ система письменъ, которыя не суть буквы, не суть *hieroglyphы*. Въ нихъ, въ словарь этихъ начертаніи заключаются всѣ идеи, всѣ прѣдметы, всѣ грамматическія отношенія, и они на вѣки неизмѣнны образуютъ письменный языкъ, который употребляется литераторами и во всѣхъ общественныхъ сношеніяхъ, и котораго не пойметъ Китаецъ, если онъ ему не учился. Разумѣется, и нашей азбукѣ надобно учиться, во разница въ томъ, что выучившись ей, мы можемъ все читать и понимать, а ученіе Китайскихъ письменъ соединено съ изученіемъ самыхъ идей, и потому при немъ надобно изучать идеи, и тогда только Китаецъ будетъ умѣть читать и понимать, когда онъ разумѣетъ связь и сущность идей написаннаго. Изученіе письменъ составляетъ послѣ сего изученіе философскаго, или ученаго, такъ сказать, языка, который совершенно разнится отъ простонароднаго, или разговорнаго. Самые знаки, или письмена, восходятъ къ основнымъ и труднѣйшимъ, по степени содержанія сочиненій, раздѣляясь на древнѣйшіе,

позднѣйшіе, главные, сложные, прибавочные, и произношеніе ихъ опредѣлено и неизмѣнно въ Китаѣ, хотя письма съ ихъ идеями составляютъ между тѣмъ всеобщій языкъ всего Китайскаго міра, такъ, что произнося ихъ различно, ученый Кореецъ, Японецъ, Сіанецъ, Кохинхинецъ, не зная произношенія Китайскаго, поймутъ совершенно все, что имъ напишутъ. Это можно уразумѣть отчасти изъ нашихъ цифръ: напишите Арабскими цифрами 22, и Русскій скажетъ *двадцать два*, Французъ *vingtdeux*, Итальянецъ *venti due*, Англичанинъ *twenty two*; они не поймутъ звуковъ, но поймутъ идею. Такимъ образомъ Китайцы осуществили у себя вполнѣ мысль всеобщаго философическаго языка, которая приходила въ голову столь многимъ Европейскимъ ученымъ. Поясимъ еще примѣромъ сказанное нами, что только ученіе доводитъ Китайца до познанія его языка письменнаго, или *мандаринскаго*, какъ называли его миссіонеры: простолудинъ нашъ, читая философскую книгу, не понимаетъ ее; переводя съ иностраннаго, мы иногда не знаемъ, какою формою Русскихъ звуковъ должно

выразить то, или другое слово; кто не учился математикѣ, тотъ не пойметъ книги съ математическими формулами. Но разница въ подобномъ незнаніи у Китайцевъ съ нами та, что тамъ нѣтъ произвола: даютъ читать, научивши сперва понимать; ведутъ отъ нисшаго къ высшему; власть и законъ устанавливаютъ порядокъ ученія; съ нимъ соединяется общественная іерархія чиновъ и званій, такъ, что высшій чиновникъ гражданскій (отъ военныхъ ученія не требуется) непременно долженъ знать болѣе нисшаго, и рангу, примѣрно, маіора не дадутъ знать болѣе полковника, а капитану болѣе ранга маіора. Дарованію открыть полный путь; оно при ученіи ведетъ къ чинамъ и величію, и министръ Китайскій есть ученѣйшій Китаецъ, ибо ему извѣстно то, чего не знаетъ никто изъ стоящихъ ниже его, а простолюдинъ, кромѣ того, что если бы онъ взялся за книгу высшую, не пойметъ ее, но и дѣлается преступникомъ, если не прошелъ порядкомъ письменной, или лучше сказать, ученой іерархіи, не выдерживалъ постоянно экзаменовъ, и не получалъ степеней, послѣ чего, постепенно от-

крывается ему доступъ и на приличное поученію его званіе въ обществѣ. Отсюда религіозное благоговѣніе Китайца къ письменамъ, ученое уравненіе, похожее на Индѣйскія касты, неизмѣнная письменная іерархія. Слѣдственно, на Китайскомъ письменномъ языкѣ основанъ и держится весь политическій и общественный бытъ Китая, и явна ошибка Европейцовъ, говорящихъ, будто вся Китайская мудрость состоитъ въ изученіи азбуки, и что эта азбука состоитъ изъ опредѣленныхъ, ничего болѣе недопускающихъ знаковъ. Здѣсь ошибка въ томъ, что въ этой *азбукѣ*, если угодно, включена вся мудрость, всѣ знанія Китайца; выучившій ее вполнѣ изучилъ всю энциклопедію, а прибавки и идеи совершенно допускаются, во только идутъ отъ власти и закона, находящихся въ рукахъ самыхъ ученѣйшихъ людей Китая.

Надѣмся, что теперь понятно будетъ основаніе Китайской письменности, и различіе разговора письменнаго, всеобщаго языка въ Китаѣ, состоящаго изъ сліянія начертаній и звуковъ, отъ простонароднаго, не имѣющаго начертаній, ограниченнаго въ

идеяхъ и грубаго. Этотъ нисшій языкъ до того не обработанъ и грубъ, что измѣняется въ каждой области Китая, едва не въ каждомъ городѣ, и даже иногда жители ближнихъ селеній съ трудомъ понимаютъ другъ друга, составляя частныя нарѣчія *сянь-дань* (hiang tan), простонароднаго Китайскаго языка. Житель Пекина съ трудомъ разумѣетъ жителя Кантонскаго. Но если они образованы оба въ извѣстной степени, они поймутъ себя, по степени образованія, въ звукахъ и письменахъ приличнаго имъ языка, (*гуань-хуа*, что похоже на наше нарѣчіе образованнаго общества, столь ложно называемое *Московскимъ*), не понимая однакожь высшаго языка книгъ философскихъ, когда напротивъ, высшей степени ученый Китаецъ будетъ понять равнымъ ему по ученію Сіамцемъ, хотя-бы заговорилъ о самыхъ высшихъ истинахъ мудрости, и не зналъ Сіамскаго языка: онъ будетъ бесѣдовать съ Сіамцомъ *письменами*, не произнося *ни одного звука*.

Излишне будетъ пояснять здѣсь, послѣ всего, сказаннаго вами, что въ Европѣ, слѣдовательно, изучаемъ мы книжный, или

высшій Китайскій языкъ, и писанное на немъ, ибо все письменное и печатное Китайское касается этого языка, и всѣ грамматики, до нынѣ изданныя Европейцами, суть грамматики языка книжнаго. Такъ и грамматика О. Такинѳа поясняетъ и заключаетъ въ себѣ сей языкъ.

Весьма естественно было вообразить Европейцамъ, при сбивчивомъ понятіи о сущности сего языка, и при усмотрѣніи постепенности и продолжительности ученія его въ Китаѣ, въ слѣдствіе строгаго іерархическаго и ученаго порядка, что Китайскій языкъ составляетъ бездну трудностей безконечныхъ. Странная фигура Китайскихъ письменъ, не различеніе ихъ по степенямъ, забвеніе того, что для познанія какого нибудь языка нѣтъ надобности изучать всѣ слова его, и что всѣхъ словъ не знаемъ мы даже и въ родномъ нашемъ языкѣ, если не изучаемъ ихъ, слѣдственно, нѣтъ надобности изучать на память всѣ *знаки Китайскіе*, а надобно узнать главные изъ нихъ, или *ключи*, узнать потомъ прибавочныя вставки, и аналогическое произведеніе словъ, все это вводило насъ въ

заблужденіе. Грамматика О. Іакинѣа, освобождая языкъ Китайскій отъ оковъ, въ какія до сихъ поръ заключали его Европейскіе грамматисты, показываетъ удивительную легкость, съ какою можно выучиться читать, понимать по-Китайски, и переводить съ Китайскаго. Онъ доказалъ это на практикѣ въ Кяхтинской школѣ Китайскаго языка, гдѣ ученики чрезвычайно легко и скоро стали разумѣть по Китайски, а разсмотрѣніемъ изданной имъ нынѣ грамматики Китайской, мы надѣемся сдѣлать это яснымъ для нашихъ читателей. Напередъ просимъ однакожъ извиненія въ нѣкоторой сухости предмета, надѣясь на любознательность образованныхъ нашихъ читателей, которые должны вѣдать, что каждое знаніе и каждая наука требуютъ вниманія, и отчасти своего особеннаго языка. Не узнавши его, нельзя судить о наукѣ и званіи. Только для бѣдной поэзіи, и вообще для сужденія объ изящныхъ искусствахъ, позволяется ничего не изучать предварительно, и руководствоваться золотымъ правиломъ: «со вранья пошлинъ не берутъ.»

Какъ всякій другой человѣческой языкъ,

Китайскій имѣть восемь, если угодно девять частей рѣчи. Такъ ужъ заведено говорить въ грамматикахъ, хотя мы никогда не сказали бы этого, если бы намъ пришлось писать какуюнибудь грамматику, ибо считаемъ частей рѣчи гораздо менѣе. Но пусть будетъ покамѣстъ по старому. — Подобно многимъ другимъ Азіятскимъ языкамъ, Китайскія слова односложны, а еще болѣе однозвучны, и всего чаще различаются только по мѣсту и связи, а не по произношенію. Произношеніе вообще не трудно, но только странно для Европейца. Приведемъ для примѣра полную Китайскую Фразу: *Цзы сы минъ дао чжы бэнъ юань юэ. Тъхянь ся цзѣ лнь синъ дао цзяо и. И чжи синъ дао цзяо го хэ вэй ху.* Это значитъ въ Русскомъ переводѣ: *Цзысы, объясняя корень и источникъ естественнаго закона, сказалъ: «подъ небомъ все говоритъ о природѣ, естественномъ законѣ и ученіи.» И такъ надлежитъ знать, что такое въ самой вещи суть природа, законъ и ученіе.*

Какъ во всѣхъ языкахъ, у Китайцевъ имя выражаетъ предметъ (пространство), глаголь бытіе и дѣйствіе (время); отъ перваго произ-

водятся прилагательныя (качество), и нарѣчія (отношеніе предметовъ); отъ втораго причастія (степени времени) и дѣепричастія (отношеніе бытія и дѣйствія).

Имена Китайскія не склоняются; только для означенія родительнаго падежа есть при-датокъ, слово *чжи*, и есть отличіе отчасти для падежа винительнаго. Чисель два, един-ственное и множественное, но окончанія сло-въ притомъ не измѣняются; только прибав-кою особыхъ словъ: *всѣ*, *толпа*, *много*, *нѣсколько*, и проч., означается множествен-ное число. Родовъ вовсе нѣтъ; въ необходи-мыхъ случаяхъ, мужескій и женскій роды различаются отдѣльными словами (быкъ, ко-рова; осель, ослица – *манъ-ню*, *жу-ню*; *цзяо-люй*, *цао-люй*), или врвбавкою словъ: *гунь* (са-мецъ), *му* (самка) – селезевь, *гунъя*, утка, *муп*.

Прилагательныя выражаются отдѣльными словаив (*кху*, горекъ, *хунъ*, красенъ), но все-го болѣе соединеніемъ разныхъ существи-тельныхъ и глаголовъ: *инь*, серебро, *цянъ*, деньги, значать вмѣстѣ, почитаемое прилага-тельнымъ, слово, *серебряную монету*; *ченъ* городъ, *мынь*, ворота, означаютъ вмѣстѣ при-

лагательное, *городскія ворота*. Рода, числа, падежа нѣтъ, какъ въ существительномъ, и прилагательное узнается по отношенію его къ существительному. Сравнительная и превосходная степени производятся прибавкою частицъ: *болѣе, нѣсколько, очень, весьма*, и проч. Имена числительныя идутъ у Китайцевъ отъ *одного до десяти*; отдѣльно выражаются еще *сто, тысяча, десять тысячъ*; всѣ остальные слагаются изъ нихъ. Число: 14,500, Китаецъ выразитъ сложными словами: *И* (1), *вань* (10,000), *сы* (4), *цянъ* (1,000), *ву* (5), *бай* (100).

Мѣстоименія личныя и возвратныя не склоняются, и отношенія ихъ объясняются прибавкою извѣстныхъ частицъ. Кромѣ того, учтивость и этикетъ почти изгоняютъ личное мѣстоименіе у Китайца. Какъ *Монтанъ*, Китайцы думаютъ, что «слово *я*, несносно,» не терпятъ и слова *ты*. – Для вопросительныхъ и прилагательныхъ мѣстоимѣній есть нѣсколько особыхъ неизмѣнныхъ звуковъ.

Глаголы Китайскіе суть также неизмѣняемые звуки; ими выражаются основныя идеи бытія и дѣйствія, въ родѣ на-

шихъ неопредѣленныхъ наклоненій, а залогъ, времена, другія наклоненія, и лица, образуются прибавкою частицъ, или сложениемъ извѣстныхъ глаголовъ. Частица *сянъ* (взаимно) дѣлаетъ, напримѣръ, глаголь взаимнымъ: *сянъ-цзянь*, значитъ «видѣться,» отъ *цзянь*, видѣть; отсутствіе мѣстоименія означаетъ глаголь безличный; прибавки извѣстныхъ глаголовъ и нарѣчій къ другимъ означаютъ страдательный залогъ, а также и времена (настоящее, прошедшее, будущее), причастія и дѣепричастія.

Нарѣчія, предлоги, союзы и междометія ни въ какомъ языкѣ не составляютъ трудности. Изученіе того, какъ приложеніе ихъ измѣняетъ имена существительныя, прилагательныя, и въ глаголахъ дѣлаетъ залогъ, времена и числа, у Китайцевъ весьма легко, а кончивши это изученіе, вы кончили всю этимологію, и конечно, согласитесь, что едва ли есть въ мірѣ другой языкъ, который представлялъ бы этимологическихъ правилъ такъ мало, и въ которомъ были бы они простое, нежели въ Китайскомъ.

Перейдемъ къ самымъ Китайскимъ зву-

камъ, изъ коихъ составляются слова. Китайскій языкъ имѣетъ ихъ 20, поставляемыхъ въ началъ (Русскими буквами выражаются они такъ: б, м, ф, д, н, л, ш, ж, ц, с, і, г, х, е, пх, тх, чж, кх), и 12 окончательныхъ (которыя Русскими буквами выражаются такъ: Аньянь, инь-ынь-унь, инь-ынь-унь-юнъ, аньянь, ю-у, ао-яо, у, о, эъ, а, ай, и), состоящихъ отчасти изъ предыханій. Китайцы дѣлятъ ихъ всѣ вообще на девять разрядовъ, по произношенію (зубные, губные, и пр., подраздѣляя каждый разрядъ на произношенія ясное, глухое, и проч.). Странно для Европейца слышать, что все это приводится потомъ къ 447 звукамъ. Это изъяснимъ мы далѣе.

Здѣсь слѣдовало бы намъ обратиться къ синтаксису Китайскому. Но языкъ Китайскій такъ слитъ съ его письменами, что необходимо должно прежде узнать *графическую* систему Китайцевъ, и тогда легко можно постигнуть систему синтаксиса.

Касательно графики Китайцевъ надобно сознаться, что въ ней встрѣчается нѣсколько болѣе запутанности, нежели въ звукахъ, особливо отъ схоластическихъ и условныхъ зако-

новъ, но такъ бываетъ во всемъ, что придумываетъ челоѡкъ! Однакожъ, за всѣмъ тѣмъ, система Китайской письменности весьма легка и понятна, и съ самою малою привычкою представить затрудненій не болѣе азбуки Европейской, при удивительной опредѣлительности и точности.

Скажемъ прежде всего, что Китайскія буквы выражаютъ идеи и предметы, безъ различія ихъ на имена; глаголы, и проч. Онъ суть, или простыя, или сложныя, и показываютъ, какъ идею, или предметъ, такъ и произношеніе, и потому иногда три писанныя буквы произносятся однимъ звукомъ, ибо одна и двѣ буквы ставятся иногда для означенія произношенія.

Китайскія письменна вообще дѣлятся на шесть слѣдующихъ разрядовъ: *синъ-сянь* (изобразительные; ихъ считаютъ 608), представляющіе самые очерки предметовъ (напримѣръ, *данъ*, восхожденіе солнца, представляетъ самое солнце надъ небосклономъ; *тхьянъ*, поле, изображаетъ квадратъ, раздѣленный на четыре размежеванныя поля). *Чжи-ши* (указательныя; ихъ считаютъ

107), представляют умственное приложение очерка предметов (например, *фынь*, *дѣлить*, составляется изъ письменъ: *дао*, *ножь*, и *бѣа*, раздѣлять; *чи*, румяный, изъ *да* – большой, и *хо* – огонь). *Хой-и*, совокупительныя; ихъ считаютъ до 740), представляют особенное соединеніе буквъ (например: *чжу*, *бамбукъ*, и *мао*, шерсть, вмѣстѣ означаютъ *писальную кисть*). *Чжу-ань-чжу* (обратныя; ихъ считаютъ 372), представляют перемѣщеніемъ своихъ частей разные смыслы). *Цзя-цзѣ* (заимствованныя; ихъ считаютъ 598), представляют, при перемѣнѣ ударенія, или выговора, два разные смысла. Наконецъ, самый обширный отдѣлъ письменъ именуется *Сѣ-шенъ* (звукосогласительныя); здѣсь считается до 21,810 очерковъ, и они состоятъ каждый изъ двухъ знаковъ, въ коихъ поставляемый съ права означаетъ только выговоръ стоящаго съ лѣвой стороны. Такимъ образомъ, число письменъ Китайскихъ состоитъ почти изъ 25,000 основныхъ знаковъ (24,235), а всѣхъ очерковъ и начертаній полагается въ Китайской письменности до 40,000.

Скажемъ здѣсь мимоходомъ о любопытны-

хъ подробностяхъ, которыя не относятся собственно къ нашему предмету.

Китайцы составляютъ свои письма изъ шести разнообразныхъ черточекъ, и точки, съ четырьмя крючками. Строки ведутъ они съ правой стороны въ низъ; буквы ставятъ раздѣльно одну за другою, и потомъ въ слѣдующей строкъ одну противъ другой, такъ, чтобы каждая буква заняла свой квадратъ, и собраніе ихъ походило на шахматную доску. Начало Китайскихъ книгъ, слѣдовательно, бываетъ тамъ, гдѣ у насъ находится конецъ. Китайцы имѣютъ вообще шесть почерковъ: древнѣйшій, нынѣ употребляемый *гу-вынь*; измѣненный за 900 лѣтъ до Р. Х., *чжеу-вынь*; измѣненный за 300 л. до Р. Х., *сяо-чжуань*, нынѣ употребляемый на печатяхъ; измѣненный въ IV мѣ вѣкѣ по Р. Х., *цуй-шу* – это нынѣшній печатный; измѣненіе его, *синь-цуй* – нынѣшній почетный рукописный, и *цао-цзы* – связная скоропись, или простой рукописный. Каждый почеркъ имѣетъ свои каллиграфическіе законы. Китайцы допускаютъ притомъ сокращеніе писемъ; есть по два начертанія на нѣкоторыя письма;

маленькій кружокъ и черточка замѣняютъ почти всѣ знаки препинаній; кружокъ побольше и черта подлиннѣе дѣлятъ періоды. Закономъ установлены притомъ полныя и точныя правила всѣхъ каллиграфическихъ приличій, и исчислено и опредѣлено 92 правила, по которымъ пишутся всѣ части Китайскихъ письменъ.

Но все это дѣло постороннее. Если только нумѣли мы въ краткомъ очеркѣ нашемъ ясно пересказать существенные законы Китайской Грамматики, то, думаемъ, теперь понятно будетъ каждому все, что мы говорили въ началѣ о простотѣ Китайскаго языка, связи въ немъ звуковъ съ очерками, и о томъ, что Китайскія письмена не суть собственно ни буквы, ни гіероглифы.

Изъ двадцати, или тридцати звуковъ, односложныхъ, съ двумя, тремя удареніями, образуется нѣсколько сотъ звуковъ предметныхъ, или, если угодно, словъ выражающихъ идеи, которыя изображаются извѣстными знаками. Каждое «слово-идея», или «звукъ предметный», какъ мы ихъ назвали, облеченные въ очеркъ, дѣлаются основаніемъ для составныхъ очерковъ, произношеніе коихъ опредѣляется уже составомъ сложныхъ очерковъ, выражающихъ подробности идей, а связь между ними и основными звуками и очерками поясняется особыми знаками. Вотъ вся тайна Китайской письменности.

Звуки и слова, облеченные въ очерки, составляютъ такимъ образомъ *словарь*

Китайскій. Въ немъ отличаются прежде всего *ключи*. Ихъ считается 214. Ключи состоятъ изъ одной, двухъ, трехъ, четырехъ пяти, шести, семи, и такъ далѣе, восходя до семнадцати чертъ. Число производныхъ отъ ключей сложныхъ очерковъ весьма неравно; нѣкоторые ключи имѣютъ ихъ болѣе 1000, а всѣ они вмѣстѣ составляютъ болѣе 33,000.

Основаніе состоитъ прежде всего въ изученіи ключей, а потомъ въ знаніи того, какъ по нимъ отыскивать производство, и въ правилахъ, какъ *писать* знаки (при чемъ, само собою разумѣется, нѣтъ никакой надобности изучать на память весь Китайскій словарь). Глазь весьма скоро знакомится съ Китайскими знаками письменными, и познаніе Китайскаго языка не представляетъ уже послѣ сего никакой трудности при хорошемъ словарѣ, и самомъ даже небольшомъ навыкѣ, ибо Китайскій синтаксисъ чрезвычайно простъ. Весьма любопытно изложевіе его Китайскими филологами. Они дѣлятъ всѣ письмена на существенныя, *ши-цзы*, и пустыя, *суй-цзы*. Первыми означаются существенныя идеи именъ и глаголовъ; вторыми всѣ другія части

рѣчи, и связь и отношеніе словъ. Примѣръ пояснить дѣло лучше всякихъ изъясненій. Возьмемъ Китайскую фразу, которую выставили мы выше сего, для показанія Китайскаго произношенія, и разберемъ грамматическій складъ ея.

Цзы-сы минъ дао чжи бэнь юань юэ: «Тьхянь ся цзѣ янь синь даоцзяо н». И чжи синь дао цзяо го хэ вэй ху?

Здѣсь представляется намъ двадцать четыре звука, выражаемыхъ 24-мя раздѣльными Китайскими письменами.

Изъ нихъ шесть суть имена существительныя: *Дао, бэнь, юанъ, тьхянь, синь, цзяо*, а пять суть глаголы: *минъ, юэ, янь, чжи, вей* (все это по-Китайски *существенныя письмена*). Пять суть дополнительные части рѣчи: *ся, й, го, цзѣ, хэ*, и три буквы суть грамматическіе знаки: *чжи, и, ху* (Все это называютъ по-Китайски *пустыя письмена*).

Разберемъ всѣ сіи слова по порядку, какъ они находятся въ приведенной нами рѣчи:

Цзы-сы, имя собственное Китайскаго мудреца.

Минъ, глаголъ, *объявляютъ, объясняютъ*.

Дао, имя суц., значащее: *путь, законъ естественный*.

Чжи, частица, показывающая, что предшествующее ей имя поставлено въ родительномъ падежѣ.

Бэнь, имя суц., значащее: *пень дерева, корень, начало вещи*.

Юань, имя суц., значащее *источникъ*.

Юэ, глаголъ, *говорить, сказывать*.

Точка показываетъ здѣсь конецъ первой части періода. Поставимъ слова рядомъ, помня, что имена у Китайцевъ не имѣютъ измѣненій по падежамъ, а измѣненіе глагола узнается по связи словъ.

Цзысы минь (объяснять), дао чжи (естественнаго закона), бэнь (корень), юань (источникъ), юэ (говорить).

Явно, что смыслъ слѣдующій: «Цзысы, объясняя естественнаго закона корень и источникъ, говори *тъ* (или говори *лъ*).»

Пройдемъ вторую часть фразы.

Тъхянъ, имя суц., значащее *небо*.

Ся, частица, означающая нарѣчіе, *подъ* (sous), поставляемая всегда послѣ имени существительныхъ.

Цзѣ , частица, значащая *всѣ, все.*

Янь, глаголь, *повѣствовать, повѣдать, вѣщать.*

Синь, имя суц., значащее; *природа, свойство.*

Дао, имя суц., значащее, какъ выше сказано, *путь, законъ естественный.*

Цзяо, имя суц., значащее *ученіе.*

И , протяжно произносимое, частица, показывающая окончаніе рѣчи – родъ нашей точки. Здѣсь кончится вторая часть періода.

Тъхянь ся (небо, подъ), *цзѣ* (все), *янь* (повѣствовать), *синь* (природа), *дао* (естественный законъ), *цзяо* (ученіе) *и* .

Явный смыслъ: «*подъ небомъ все повѣдуетъ природу, естественный законъ, ученіе.*»

Третья часть фразы:

И , произносимое кратко, частица, значащая союзъ, *и такъ, также* (ainsi).

Чжи , глаголь, *знать, вѣдать.*

Синь (см. выше).

Дао (см. выше).

Цзяо (см. выше).

Го, частица, значащая нарѣчіе, *подлинно,*

дѣйствительно.

Хэ, частица, значащая вопросительное мѣстоименіе, *кто? что?*

Вэй, глаголь, *называть, нарицать.*

Ху, частица, которая, находясь въ концѣ рѣчи, значить вопросительный знакъ.

И (и такъ), *чжи* (знать – отсутствіе имени показываетъ безличное наклоненіе), *синь* (природа), *дао* (ест. законъ), *цзяо* (ученіе), *го* (подлинно), *хэ* (что?), *вэй* (называть), *ху* (какъ выше сказано, знакъ вопроса).

Явный смыслъ: «И такъ знать надлежитъ: природою, естественнымъ закономъ *мъ*, ученіе *мъ*, что подлинно называть (называется)?»

Составимъ полную фразу изъ трехъ ея частей: „Цзы-сы, объясняя естественнаго закона корень и источникъ, говорилъ:“ Подъ небомъ все повѣдуетъ природу, естественный законъ, ученіе.» И такъ знать надлежитъ: «природою естественнымъ закономъ, ученіемъ, что подлинно называть?»

Голословный, слово въ слово сдѣланный, но совершенно понятный для насъ переводъ. Переложимъ его въ нашу чистую Русскую форму, и онъ явится въ слѣдующемъ видѣ:

«Объясняя корень и источникъ естественнаго закона, Цзы-сы говорилъ: „Все подъ небесами повѣдуетъ намъ природу, естественный законъ и ученіе.“ И такъ надобно знать, что такое подлинно называть должно природою, естественнымъ закономъ и ученіемъ?» —

Мы не выдумываемъ — беремъ и рассказываемъ сокращенно то, что подробно и вполнѣ нашли мы въ новомъ сочиненіи О. Іакинѳа, и узнали изъ бесѣды его о предметѣ, столь занимательномъ. Гдѣ-же здѣсь неизобразимыя трудности языка нашихъ юговосточныхъ сосѣдей? Ихъ раждали только невниманіе наше, и спутанная система, въ какой передавали намъ законы Китайскаго языка и Китаиской графической системы. Честь и слава нашему Русскому хинологу, который разсѣкъ Гордіевъ узелъ, и оказалъ изданіемъ грамматики своей Европейскую услугу, имѣвши случай многолѣтнею практикою на мѣстѣ изслѣдовать и узнать предметъ, столь маловѣдомый до него!

Когда и какъ составилаь эта система письменности, столь отличная отъ гіероглифической и азбучной? Весьма есте-

ственно рождається такою вопрощє при ея соображеніи.

Китайцы сохранили преданіе, смѣшанное съ миѳическимъ разсказомъ о началѣ своихъ письменныхъ знаковъ. Выписываемъ его изъ предисловія къ грамматикѣ О. Іакинѳа.

Что касается до изобрѣтенія Китайскихъ письменъ, Китаецъ Шень-си-минъ представляетъ намъ одно изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ по сему предмету. Нѣкогда, пишеть онъ, читая Индѣйскія уложенія, я нашель въ нихъ, что изобрѣтателей письменъ было трое: Фанъ, Цзялу, Цапъ-цзѣ. Первый сообщилъ свое открытіе Индіи. Его буквы пишутся отъ лѣвой руки къ правой. Второй жилъ въ Западныхъ странахъ. Его буквы пишутся отъ правой руки къ лѣвой. Послѣдній былъ въ Китаѣ (Чжунъ-ся). Его буквы пишутся сверху внизъ. Очевидно, что Шень-си-минъ подъ первыми разумѣеть Санскритскія, подъ вторыми Арабскія, подъ третьимъ Китайскія письмена.

Предоставляя гг. ориенталистамъ изслѣдованіе начала буквъ Санскритскихъ и Арабскихъ, мы обратимъ вниманіе на одно

Китайское письмо.

Цаяъ-цзѣ, которому Китайцы приписываютъ изобрѣтеніе своихъ буквъ, имѣлъ пребываніе въ нынѣшней Китайской губерніи Шаньси. Повѣствованіе объ немъ любопытно. Въ одно время, спустившись съ Сюань-ху на сѣверный берегъ рѣки Ло, увидѣлъ онъ черепаху, спина которой имѣла по красной землѣ темныя черты. Разсматривая сіи черты, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдая слѣды разныхъ животныхъ и птицъ, онъ падалъ на счастливую мысль изображать условными знаками самыя понятія о вещахъ. Сей Цанъ-цзѣ, по древнимъ преданіямъ, жилъ въ такія времена, когда первобытные обитатели Китая находились еще въ полудикомъ состояніи, укрывались въ берлогахъ и норахъ, не знали ни одѣянія, ни огня, питались сырымъ мясомъ и растеніями. Въ слѣдъ за нимъ, нѣкто Суй-жинь-шы открылъ употребленіе огня, и первый ввелъ способъ замѣчать общественныя дѣла узелками на веревочкѣ. Изъ сихъ преданій съ полною вѣроятностію можно заключить, что Цанъ-цзѣ первый открылъ способъ чертить на

немъ либо изображенія видимыхъ вещей, и не болѣе какъ въ семь самомъ состояло его изобрѣтеніе Китайскаго письма. По прошествіи нѣкотораго времени, государь Фу-си-шы выдумалъ восемь Гуа, изъ коихъ каждый состоитъ изъ шести чертъ, трехъ цѣльныхъ и трехъ ломаныхъ [1]. Сіи самыя черты привели Фу-си-шы къ изобрѣтенію Китайскаго письма, т. е. условныхъ знаковъ, которые онъ ввелъ для замѣчавія общественныхъ дѣлъ, вмѣсто веревочныхъ узелковъ. Сей Фу-си-шы, по счисленію, основанному на предположеніи вѣроятности, жилъ въ концѣ 39, или въ началѣ 38 столѣтія до Р. Х. Слѣдовавшій за нимъ государь Ю-сюнь-шы уже въ состояніи былъ положить прочное основаніе гражданскому образованію въ народѣ. Онъ раздѣлилъ Китай на области, и учредилъ шесть министерствъ, доселѣ удержанныхъ въ Китайскомъ управленіи; изобрѣлъ ноты для музыки, и написалъ первую врачебную книгу, донинѣ существующую подъ названіемъ Нэй цзинъ; сдѣлалъ небесную сферу, и сочинилъ мѣсяцесловъ [2]. Шунъ, первый законодатель Китая, въ 3385

году по Р. Х., предписалъ своимъ астрономамъ повѣрить прежнія астрономическія выкладки, и сдѣлалъ новую небесную сферу. Все сіе ведетъ васъ къ заключенію, что хотя точное начало Китайекаго письма неизвѣстно, но весьма достовѣрно, что оно существовало до государя Шунь, и совершенствовалось на ряду съ постепеннымъ возвышеніемъ гражданскаго устройства въ Китаѣ.

Въ древности, пока еще не были изобрѣтены въ Китаѣ кисть, тушь и бумага, [3] писали вырѣзывая буквы на бамбуковыхъ доскахъ, или рисуя оныя на шелковыхъ тканяхъ. Трудности и вмѣстѣ съ тѣмъ медленность такого письма, поставляли писателей въ необходимость выражать свои мысля съ необычайною краткостію и силою. Такъ писали отъ династіи Ся до династіи Цинь (2205-202 до Р. Х.), и государственные люди и частные ученые. И какъ въ сочиненіяхъ первыхъ сохранились значеніе письменъ, и первыя уложенія Китая, въ послѣдствіи принятыя за основаніе словесности и законодательства, то оныя уже и во время славнаго мудреца Кхунъ-фу-цзы (Конфуція) почитались основ-

ными, Цзинь, т. е. классическими, или священными. Со временъ династїи Хань до династїи Юань (съ 202 года до Р. Х. до 1264-го по Р. Х.), Китайская словесность поощряемая правительствомъ, непрерывно шла къ совершенству. Но какъ сей періодъ слѣдовалъ непосредственно за древними временами, то писатели, увлекаемые подражаніемъ, болѣе руководствовались духомъ древности. Въ лучшихъ ихъ творенїяхъ господствуетъ та же краткость въ словахъ, та же выразительность въ мысляхъ, и хотя сіи творенїя, по мнѣнію новѣйшихъ Китайскихъ критиковъ, уступаютъ древнимъ, какъ въ краснорѣчїи, такъ въ правильности и силѣ мыслей, но за всѣмъ тѣмъ считаются образцовыми, и на ряду съ ними составляютъ, такъ называемую, древнюю словесность, Гу-вынь. Съ паденіемъ дома Сунъ начинается третій періодъ Китайской словесности. Въ сіе время потомки Чингисъ-Хановы, овладѣвъ престоломъ Китая, окружили себя смѣсю народовъ цѣлой Азіи. Гордый Китаецъ, изнемогшій подъ тяжестью желѣзнаго ига, наконецъ преклонился къ раболѣпству. Съ сего времени, вмѣсто преж-

ней простоты и краткости въ слогѣ, появилась пышность въ наборѣ словъ, роскошь въ описательныхъ выраженіяхъ, и словесность, одѣтая блескомъ пустаго краснорѣчія, утратила тайну управлять волею и дѣйствовать на чувство. Таковъ былъ ходъ Китайской словесности въ продолженіе минувшихъ сорока вѣковъ. Но между тѣмъ, какъ ходъ ея измѣнялся съ ходомъ политическихъ перемѣнъ, языкъ, поддерживаемый законами, оставался неизмѣннымъ, ибо въ Китаѣ издревле существуетъ законъ, которымъ запрещено вводить новые условные знаки (буквы), безъ утвержденія оныхъ верховною властію.

Въ настоящее время (что долженствовало быть и прежде), Китайскій языкъ дѣлится на книжный и разговорный, изъ коихъ послѣдній отличается отъ перваго оборотами, ему одному свойственными. Первымъ пишутъ все вообще, а послѣднимъ только романы, повѣсти и пѣсни народныя.

Почитаемъ любопытнымъ выписать еще критическое обозрѣніе изданныхъ доннынъ Европейцами Китайскихъ грамматикъ, тѣмъ болѣе, что при малоизвѣстности предмета, о

которомъ идетъ рѣчь, книга О. Іакинѳа не поступитъ въ продажу, слѣдовательно, останется въ рукахъ весьма немногихъ читателей, будучи напечатана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ.

Европа еще недавно познакомилась съ языкомъ и письменами Китайскими. Въ половинѣ XVI столѣтія, Католическіе вѣропроповѣдники первые проникли въ сіе государство, съ благочестивымъ намѣреніемъ, посѣять тамъ сѣмяна Евангельскаго ученія. Изученіе Китайскаго языка было необходимо для достиженія сей цѣли, и многіе изъ нихъ съ успѣхомъ упражнялись въ немъ. Въ послѣдствіи, нѣкоторые изъ ученыхъ, по страсти къ наукамъ, начали заниматься Китайскимъ языкомъ въ самой Европѣ, и также пріобрѣли, хотя не полныя, но довольно основательныя свѣдѣнія въ ономъ. И тр3; и другіе занимались между прочимъ изложеніемъ самыхъ правилъ Китайскаго языка, и составили грамматическія системы. Къ первымъ изъ нихъ преимущественно причисляются Варо, Маршманъ, Премаръ, Морриссонъ и Гонзальвъ, а къ послѣднимъ Бай-

ерь, Фурмонъ и Абель Ремюза.

Первую Китайскую грамматику написалъ, сколько намъ извѣстно, О. Варо на Испанскомъ языкѣ, и расположилъ оную по порядку частей рѣчи, примѣняясь къ правиламъ Латинской грамматики. Онъ старался объяснить, какимъ образомъ, при неизмѣняемости словъ въ Китайскомъ языкѣ, можно выразить на немъ измѣненія, свойственныя Европейскимъ языкамъ, а сіе самое воспрепятствовало ему раскрыть подлинныя свойства Китайскаго языка. Сверхъ сего Грамматика О. Варо написана только для общенароднаго, а не для ученаго языка, да и Китайскія слова въ примѣрахъ писаны Латинскими же буквами, почему можетъ она служить только для тѣхъ, которые желаютъ обучаться разговорному Китайскому языку, и при томъ въ самомъ Китаѣ [4].

Вторая Китайская Грамматика, появившаяся въ свѣтъ послѣ Варовой, есть твореніе Байера, который обучался Китайскому языку въ Европѣ, въ такое время, когда Европейцы имѣли очень недостаточныя свѣдѣнія о самомъ Китаѣ, не говоря уже о Китайскомъ языкѣ.

Къ чести Байера должно сказать, что онъ получилъ, хотя очень неполное, но довольно правильное понятіе о механизмѣ языка. Сей ученый написалъ свою Грамматику на Латинскомъ языкѣ, и даже Китайскій текстъ въ примѣрахъ писанъ Латинскими же буквами. Нѣтъ сомнѣнія, что Байеръ матеріалы для сей книги получилъ отъ Европейцовъ, долго жившихъ въ Китаѣ, по совѣмъ тѣмъ, его Китайская Грамматика также содержитъ въ себѣ правила только для одного разговорнаго языка, и, какъ первое въ Европѣ произведеніе въ семъ родѣ, носитъ на себѣ тяжелый отпечатокъ несовершенства, по недостатку правилъ, и по неисправности буквъ Китайскихъ [5]

Въ слѣдъ за Байеровою Грамматикою показалась третья Китайская Грамматика, изданная Фурмономъ, подъ названіемъ: Чжунъ-ю-гуанъ-хуа , что отъ слова въ слово значитъ: «Китайскій разговорный языкъ высшаго сословія». Изъ самаго названія книги можно видѣть, что Фурмонъ написалъ свою Грамматику для одного разговорнаго языка, котрымъ Европейскіе вѣропроповѣдники,

проникшіе въ Китай, занимались преимущественно передъ книжнымъ, и который, какъ мы выше сказали, отличенъ отъ книжнаго. Сія Грамматика раздѣлена на двѣ части. Въ первой изъ нихъ, кромѣ нѣсколькихъ правилъ Китайскаго языка, помѣщены склоненія именъ и спряженіе глаголовъ, по формамъ Европейскихъ грамматикъ составленныя, а во второй изложено словосочиненіе, котораго самую большую часть составляютъ не правила, а учтивыя выраженія, употребляемыя при свиданіи. Въ концѣ книги приложенъ любопытный реэстръ Китайскихъ книгъ, находившихся въ то время въ Парижской Королевской Библиотекѣ. Это была первая Грамматика, въ которой Китайскій текстъ въ примѣрахъ писанъ Китайскими буквами. Нѣкоторыя правила въ оной изложены довольно хорошо, но вообще не полны; въ примѣрахъ встрѣчаются выраженія нетерпимыя въ чистомъ разговорномъ языкѣ, и самый переводъ мѣстами ошибоченъ. Все сіе достаточно показываетъ, что сочинитель учился Китайскому языку не въ Китаѣ, а во Франціи, по Грамматикѣ О. Варо, и написавъ

собственную Грамматику, не имѣль средствъ повѣрить оной съ людьми, основательно знавшими Китайскій языкъ [6] .

Въ тоже самое время, когда Фурмонъ въ Европѣ трудился надъ сочиненіемъ Китайской Грамматики, О. Премаръ, находясь въ Китаѣ, писалъ свою, подъ названіемъ: *Notitia linguae Sinicae*. Сей миссіонеръ, много занимавшійся Китайскимъ языкомъ въ самомъ Китаѣ, совершенно постигъ свойства сего языка, и съ большою точностію показалъ оныя въ своей Грамматикѣ, не привязываясь къ грамматическому порядку Европейскихъ языковъ, какъ неимѣющихъ никакого сходства съ Китайскимъ языкомъ. Въ первой части своего творенія, О. Премаръ кратко излагаетъ основныя понятія о языкѣ и письменяхъ Китайскихъ; во второй изображаетъ обороты разговорнаго, въ третьей обороты книжнаго, или ученаго языка. Въ обѣихъ послѣднихъ преимущественно даетъ мѣсто словамъ, имѣющимъ многообразное употребленіе, и употребленіе оныхъ объясняетъ многими прекрасными примѣрами, изъ которыхъ, впрочемъ, самая большая часть

суть выраженія, принадлежащія въ словарю, и не составляющія существенныхъ правилъ языка. Примѣры вообще писаны Китайскими буквами средственнаго шрифта. Жаль только, что въ *Notitia linguae Sinicae*, твореніе единственномъ въ семь родѣ по чистотѣ слога, находится общій высшимъ Грамматикамъ недостатковъ въ правилахъ, на которыхъ основывается управленіе словъ въ разговорѣ и письмѣ, свойственное Китайскому языку. По сей, кажется, причинѣ, самъ О. Премаръ не назвалъ своего сочиненія Грамматикою, хотя въ ономъ изобильно находятся матеріалы, потребные къ составленію полной Грамматики [7] .

Англійскіе миссіонеры, жившіе въ Кантонѣ, также издавна упражнялись въ Китайскомъ языкѣ, но поздно начали обнаруживать свои свѣдѣнія въ ономъ. Г-нъ Маршманъ издалъ *Clavis Sinica* (Ключъ къ Китайскому языку), въ 1814 году. Я не имѣлъ случая видѣть сей книги, и потому не могу произнести сужденія ни о расположеніи, ни о внутреннемъ достоинствѣ оной. Абель-Ремюза, въ Введеніи къ своей Китайской Грамматикѣ

пишетъ, что *Clavis Sinica* не есть грамматика, но длинное разсужденіе о слогахъ, которымъ писанъ *Лунь юи*, составляющій третіе отдѣленіе *Четырехнижія* [8].

Черезъ годъ по напечатаніи *Clavis Sinica*, Мориссонъ издалъ Китайскую Грамматику на Англійскомъ языкѣ, въ которой примѣры писаны Китайскими буквами. При долговременномъ пребываніи въ Кантонѣ, онъ пріобрѣлъ хорошее знаніе въ Китайскомъ языкѣ, но при сочиненіи своей Грамматики, приспособляя употребленіе оной для своихъ соотечественниковъ, старался изложить правила болѣе для разговорнаго слога, и выразить на Китайскомъ языкѣ всѣ грамматическія измѣненія, свойственныя Англійскому языку, а сіе самое заставляло его иногда составлять примѣры изъ выраженій мало употребительныхъ въ Китайскомъ языкѣ. Отсюда каждый можетъ заключить, что такая учебная книга недостаточна къ прямому познанію даже самаго общенароднаго Китайскаго языка, ибо она не въ точности показывааетъ отличительныя свойства сего языка [9].

Абель-Ремюза написалъ Китайскую Грам-

матику на Французскомъ языкѣ, въ которой также примѣры писаны Китайскими буквами. Онъ, какъ Байеръ и Фурмонъ, не имѣлъ случая быть въ Китаѣ, а обучался Китайскому языку въ Парижѣ, самоучкою, но справедливость обязываетъ меня сказать, что средства, дарованія и трудъ доставили ему хорошее свѣдѣніе въ ономъ. Расположеніе его Грамматики не многосложно, и, должно сказать, правильно. Въ предисловіи, съ большою основательностію предлагаетъ онъ свое мнѣніе о грамматикахъ Китайскаго языка, изданныхъ, или сочиненныхъ до появленія въ свѣтъ его собственной, а въ Введеніи помѣщены основныя понятія о языкѣ и письменахъ Китайцевъ. За ними слѣдуетъ самая грамматика, разделенная на двѣ части, изъ коихъ въ первой изложены правила, по которымъ Китайцы въ книжномъ языкѣ, безъ измѣненія словъ, выражаютъ грамматическія измѣненія свойственныя Европейскимъ языкамъ; во второй содержатся такія же правила для общенароднаго языка. Первую часть онъ назвалъ *Лу вынь, ou style antique*, вторую *Луан-хуа, ou syle moderne*. Мы тотчасъ увидимъ,

что Абель-Ремюза, по недостатку практических свѣдѣній въ Китайскомъ языкѣ, ошибся въ названіи частей своей Грамматики. Гувьнь, какъ мы выше уже сказали, отъ слова въ слово значить: «древняя словесность». Подъ симъ названіемъ въ Китаѣ издано нѣсколько книгъ, въ которыхъ помѣщены образцовыя мѣста изъ сочиненій древнихъ. Гуань-хуа значить «разговорный языкъ высшаго сословія». Оба сія выраженія суть употребительныя, и первому изъ нихъ противопологается выраженіе *шы-вынь*, то есть, «нынѣшняя словесность», а второму выраженіе *су-хуа*, то есть, «простонародный» или «деревенскій языкъ». Изъ сего объясненія открывается, что въ Китаѣ находится, какъ выше уже было сказано, два языка, книжный и разговорный.

Не смотря на все это, о грамматикѣ Абель-Ремюза должно сказать, что ошибочное названіе частей нимало не вредитъ внутреннему достоинству самой книги, потому, что правила, изложенныя въ первой части для древняго слога, можно примѣнять ко всѣмъ родамъ другихъ ученыхъ слоговъ, употребляемыхъ нынѣ въ Китаѣ, а вторая часть содер-

жить правила для нынѣшняго общенароднаго языка [10] .

Послѣднюю грамматику Китайскаго языка написалъ Гонзальвъ на Португальскомъ языкѣ, онъ началъ сію книгу краткимъ ключевымъ словаремъ, въ которомъ при каждомъ знакъ показаны ключъ его, удареніе, выговоръ, двоякій способъ начертанія, и употребительнѣйшія выраженія. Далѣ слѣдуютъ 20 главъ выражений, употребляемыхъ въ книжномъ и общенародномъ языкахъ. Въ слѣдъ за симъ изложено словосочиненіе, въ которомъ, безъ означенія правилъ, приведено множество примѣровъ, показывающихъ, какимъ образомъ одна и та же мысль выражается, и книжнымъ и разговорнымъ слогомъ, и сіи выраженія примѣнены къ формамъ измѣненія частей рѣчи, употребляемымъ въ грамматикахъ Европейскихъ языковъ; далѣ 46 разговоровъ на общенародномъ языкѣ, пословицы, краткая біографія славныхъ мужей, начиная съ Фу-си-шы, до настоящаго времени; къ біографіи приобщено баснословіе (Китайская миѳологія). Наконецъ Гонзальвъ заключаетъ

свою Грамматику примѣрными образцами различныхъ родовъ Китайской словесности. Слогъ разговоровъ и примѣровъ, какъ на учебномъ, такъ и на простонародномъ языкѣ вообще, чистъ и правиленъ [11].

Изъ восьми исчисленныхъ Грамматикъ только три заслуживаютъ вниманіе наше: это суть Грамматики Премара, Абель-Ремюза и Гонзальва, по которымъ можно обучаться и общенародному и книжному Китайскому языку. Но если сіи три Грамматики сравнить между собою, то Премаръ и Гонзальвъ берутъ большее преимущество передъ Абель-Ремюза наборомъ примѣровъ, а послѣдній превосходитъ обоихъ, хотя недостаточнымъ, но яснымъ изложеніемъ самыхъ правилъ Китайскаго языка. По первымъ двумъ легко обучаться Китайскому языку, находясь въ Китаѣ, а по грамматикѣ Абель-Ремюза можно и въ Европѣ приобрѣсть въ немъ достаточное свѣдѣніе.

Вотъ что говоритъ О. Іакинѣ о собственномъ трудѣ своемъ, съ скромностію, столь приличною истинному знанію:

Россія по сопредѣльности съ Китаемъ дав-

но уже находятся въ непосредственной связи съ сею державою, и Россійская Духовная Миссія съ 1715 года имѣтъ постоянное пребываніе въ Пекинѣ, для образованія переводчиковъ въ Китайскомъ и Маньчжурскомъ языкахъ, но какъ письменныя сношенія болѣе производятся на Маньчжурскомъ языкѣ, то члены Миссіи до сего времени преимущественно занимались послѣднимъ, не обращая должнаго вниманія на языкъ Китайскій. Въ Кяхтѣ, напротивъ, гдѣ Китайскій языкъ необходимъ для торговыхъ сношеній съ Китайцами, съ самага открытія торговли на семъ мѣстѣ, еще ни одинъ изъ Русскихъ не занимался постояннымъ изученіемъ онаго, не смотря на то, что Китайцы ежедневно имѣютъ обращеніе съ нами по торговымъ дѣламъ. Причина сему заключалась въ томъ, что Китайцы, употребляя при обращеніи съ Русскими исковерканное Русское нарѣчіе, не въ состояніи объяснить на ономъ и первыхъ началъ своего языка. Къ чести Кяхтинскаго купечества должно сказать, что оно давно чувствовало необходимость имѣть въ Кяхтѣ училище Китайскаго языка,

но главное препятствіе къ тому состояло въ недостаткѣ учителей.

Изъ членовъ Миссіи, возвращавшихся изъ Китая въ отечество, лучше оставались переводчиками при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а средственныя не въ состояніи были принять на себя должности классическаго учителя. Наконецъ сіе препятствіе миновалось съ прибытіемъ послѣдней Миссіи, возвратившейся изъ Пекина въ 1831 году, и Высокій Покровитель наукъ Николай I, по представленію Азіятскаго Комитета, исполнилъ желаніе Кяхтинскаго купечества, утвердивъ въ Кяхтѣ существованіе училища Китайскаго языка.

Сіе обстоятельство было поводомъ къ тому, что Азіятскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, ревностно споспѣшествующій распространенію въ нашемъ отечествѣ Восточной Словесности и полезныхъ свѣдѣній объ Азіи, препоручилъ мнѣ написать Китайскую грамматику, для употребленія въ Кяхтинскомъ училищѣ, и испросилъ Высочайшее соизволеніе напечатать оную иждивеніемъ казны. Это уже седьмая

моя книга, на которую Азіятскій Департаментъ обращаетъ всемилостивѣйшее Монаршее вниманіе, поощрительное для занимающихся науками. Записки о Монголіи, также Описаніе Чжуньгаріи и Восточнаго Туркистана, Исторія четырехъ Хановъ, Троесловіе, Исторія Тибета и Хухунора, Историческое обозрѣніе Ойратовъ, или Калмыковъ, не были бы изданы въ свѣтъ, безъ пособія со стороны правительства.

Касательно самага состава сочиненія О. Такинѳа, можно видѣть изъ разсмотрѣнія его прежде изданныхъ Европейцами Китайскихъ грамматикъ, что они не во многомъ могли быть ему полезны. Онъ бралъ матеріялы изъ практики и элементарныхъ Китайскихъ сочиненій, грамматикъ и словарей, а система изложенія принадлежитъ рѣшительно ему самому. Вотъ расположеніе, принятое почтеннымъ хинологомъ нашимъ:

Часть I *Китайскій языкъ и письмена*. Идея языка; дѣленіе звуковъ; составъ, начертаніе, виды, правописаніе, знаки препинанія Китайцевъ; произношеніе письменъ, ударенія, дѣленія на классы. Китайская каллиграфія.

Правописаніе иностранныхъ словъ. — Часть II.
Китайская Грамматика. Части рѣчи, каждая
отдѣльно, и Китайское раздѣленіе частей
рѣчи (синтаксисъ собственно).

За тѣмъ слѣдуютъ любопытныя и необходи-
мыя приложенія:

1. Составъ Китайскихъ буквъ.
2. Образцы всѣхъ шести Китайскихъ по-
черковъ.
3. Неправильныя письма.
4. Измѣненныя письма.
5. Сличеніе древнихъ и новыхъ писемъ.
6. Китайскіе звуки Русскими, Французски-
ми, Португальскими и Англійскими буквами.
7. Ключевыя письма и измѣненные клю-
чи.
8. Цыфры Китайскія.
9. Китайскій циклъ.
10. Замѣны Китаичами мѣстоименій.

Назначая книгу свою для употребленія въ
Кяхтинской школѣ Китайскаго языка, О.
Такинъ присовокупилъ, въ окончаніи,
Китайскія названія Русскихъ товаровъ, Ки-
тайскихъ товаровъ, и номенклатуру чаевъ.

Особенное вниманіе всякаго, даже и неза-

нимающагося Китайскимъ языкомъ, должно обратить прибавленіе *шестое*, гдѣ объясняется правильное произношеніе Китайскихъ именъ. Каждый народъ пишетъ ихъ по своему, не потому, чтобы ошибался, но потому, что въ началѣ принялъ по своему условныя буквы своего языка для выраженія, стараясь показать ими Китайское произношеніе. Такъ нашу *Москву*, Французъ привыкъ писать *Моску*, Нѣмецъ *Москау*, другіе народы *Москова*, *Мосха*. Такъ Французъ пишетъ: *гуанъ*, kouang; *цю*, khieou; *пхынъ*, pheng; Англичанинъ – *хунъ*, hwang; *цзинъ*, tsing; Португалецъ – *нянь*, niam, *чо*, cho, и проч. – Отъ этого происходитъ совершенная сбивчивость при переводахъ извѣстій о Китаѣ съ разныхъ языковъ, и имена Китайскія кажутся совершенно различны, когда они въ сущности одни и тѣ же, и разнятся только потому, съ какого языка Европейскаго мы беремъ ихъ.

У насъ, въ Россіи, какъ у частныхъ людей, такъ и въ казенныхъ библіотекахъ находится не мало Китайскихъ книгъ. Богатыя собранія ихъ есть въ Парижѣ, Лондонѣ, и даже въ Германіи. Но если чрезвычайно мало донынѣ

издано Европейцами переводовъ съ Китайскаго, то еще менѣе издано Китайскихъ текстовъ. Можетъ быть, этому отчасти причиною неудобство имѣть подвижныя Китайскія буквы для печатанія, при многочисленности Китайскихъ знаковъ. Впрочемъ, у Французовъ и Англичанъ есть такія буквы. Мы представляемъ себѣ удовольствіе поговорить вообще о литературѣ Китайцевъ и трудахъ по сей части Европейцовъ, въ особенныхъ статьяхъ.

Не можемъ не изъявить здѣсь желанія нашего, чтобы за изданіемъ Грамматики Китайской на нашемъ языкѣ слѣдовало изданіе Китайской учебной хрестоматіи, могущей послужить пособіемъ къ изученію Китайскаго языка въ Россіи. Знаемъ, что подобныя труды рѣшительно можно назвать неблагодарными. Ихъ цѣнать не многіе, и тяжкій трудъ дѣлателя едва ли награждается, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Но здѣсь должна руководствоваться мысль общаго добра, и безкорыстіе подвига для пользы просвѣщенія. Конечно, не это можетъ останавливать ревность нашего почтеннаго хинолога, но труд-

ность изданія въ свѣтъ его трудовъ. Все, чѣмъ донынѣ обогатилъ онъ нашу литературу, могло явиться только съ пособіемъ просвѣщеннаго нашего правительства. Такъ правительствомъ изданы у насъ труды гг. Шмидта и Ковалевскаго, касательно Монгольскаго языка и Монгольской литературы. Видно, что не настало еще время для жертвованій на подобные подвиги частныхъ людей, имѣющихъ къ тому средства. Такъ важныя, обширный, новый трудъ нашего почтеннаго хиолога, (отрывокъ изъ котораго читатели наши видѣли въ С. О., книжка IV, отд. III, стр. 97—137, и о которомъ надѣемся мы поговорить подробнѣе) ожидаетъ благодѣтельнаго вниманія правительства, и тогда только можетъ явиться въ свѣтъ, будучи со всѣмъ окончанъ въ рукописи. — Такъ надѣемся мы, что Россіи суждено, можетъ быть, подарить Европу, и необходимымъ пособіемъ для изученія Китайскаго языка и литературы — словаремъ Китайскимъ. Вообще недостатокъ Восточныхъ словарей составляетъ великое и главное препятствіе для Европейцовъ въ изученіи Восточныхъ языковъ.

Они рѣдки, дороги, недостаточны. Всего ощутительнѣе это въ отношеніи Китая. Наполеону обязаны хинологи изданіемъ *перваго* Китайско-Французско-Латинскаго Словаря (*Dictionnaire chinois, franais et latin*, Парижъ, 1813 г.), съ старинной рукописи О. Василия Глемонскаго (хотя ее и приписывали Дегиню). Изданіе было роскошно, но книга недостойна великолѣпнаго изданія. Клапротъ издалъ прибавленіе къ этому словарю (*Supplement au dictionnaire chinoislatin du P. Basile de Glemona, par J. Klaproth*, Парижъ, 1819 г.). У Англичанъ есть недостаточный словарь Морриссона (*Dictionary of the chinese language*, 1815 г. 6 t. in 4). Недавно изданы еще въ Макао маленькіе словари Китайско-Португальскій и Португальско-Китайскій, Гонсальва (*Diccionario portuguezchina, no estilo vulgar e classico geral*, 1831 г. въ 4, и *Diccionario china portuguez, composto por I. A. Goncalvas*, 1855 г. in 4). Эти-мъ, кажется, ограничивается все, что сдѣлано до нынѣ Европейцами для Китайской лексикографіи. Будемъ надѣяться, что Россіи предоставлено показать что нибудь болѣе со-

вершенное. О. Іакинѣ имѣеть для такого важнаго предпріятія богатые матеріялы, кромѣ собранія подлинныхъ Китайскихъ словарей, каковы новѣйшій Китайскій Словарь, въ 6-ти томахъ, *Кханъ-си-цзы-дянь*, и проч.

Скажемъ въ заключеніе, что изданіе Китайской грамматики О. Іакинѣа весьма красиво. Литографія г-на Гемильяна такъ хорошо умѣла поддѣлаться подъ каллиграфію Китайскую, что Китайцы, видѣвшіе листы грамматики въ Кяхтѣ, любовались ими, какъ неуступающими тщательностью и красотою стереотипамъ Пекинской Дворцовой типографіи.

Н. Полевой.

Примечания

1

Изъ различнаго соединенія цѣлыхъ чертъ съ ломаными произошло 64 разныхъ Гуа, или фигуръ, изъ коихъ каждая содержитъ въ себѣ нравственную истину, и сіе самое составляетъ содержаніе книги И-цзинь, первой изъ древнѣйшихъ Китайскихъ книгъ.

2

Сему государю преданія еще приписывать изобрѣтеніе разной домашней посуды и оружія, телѣгъ, компаса, мѣръ, вѣсовъ, строенія домовъ и водоходныхъ судовъ, добываніе мѣдной руды, плавленіе мѣдной монеты, открытіе шелководства и введеніе царскаго одѣянія.

3

Писчую кисть изобрѣлъ Мынь-тѣхянь, полководецъ, построившій Великую Стѣну, за 800 съ небольшимъ лѣтъ до Р. Х., а внучъ Цай-дунь, вскорѣ по Р. Х., открылъ способъ дѣлать изъ древесной коры и вѣтошекъ, или тряпокъ, писчую бумагу.

4

Францискъ Варо, миссіонеръ Доминикан-

скаго ордена, напечаталъ свою Грамматику въ Кантонѣ въ 1703 году (8), подъ названіемъ: *Arte de la lengua mandarina*, въ одной книжкѣ, состоящей изъ 64 листовъ. Буквы подлинника были писаны кистью, и въ семь видѣ вырѣзаны на деревянныхъ доскахъ, на которыхъ производилось тисненіе по способу Китайскаго книгопечатанія. Сія Грамматика столь рѣдка, что по увѣренію Абель-Ремюза, даже въ Парижской Королевской Библіотекѣ нѣтъ ни одного экземпляра оной. Я получилъ сію книгу для пересмотра изъ музеума Азіятскихъ книгъ, принадлежащаго барону Павлу Львовичу Шиллингу фонъ-Канштатъ.

5

Оеофиль Зигфридъ Байеръ, профессоръ исторіи и древностей при С. Петербургской Академіи Наукъ, издалъ свою Китайскую Грамматику подъ названіемъ: *Museum Sinicum*, въ двухъ томахъ, изъ коихъ въ первомъ помѣщена *Grammatica Sinica*, во второмъ *Lexicon Sinarum latine explicatum*. Сія книга посвящена Оеофану, архіепископу Новгородскому, и напечатана въ типографіи С. Петербургской Академіи Наукъ въ 1750 году (8).

И такъ первая Китайская Грамматика въ Европѣ напечатана была въ Россіи – членомъ С. Петербургской Академіи Наукъ.

6

Стефанъ Фурмонъ, профессоръ Арабскаго языка въ Парижѣ, издалъ Китайскую Грамматику на Латинскомъ языкѣ, присовокупивъ къ Китайскому и Латинское названіе: *Linguae Sinarum Mandarinier hieroglyphicae Grammatica duplex, latine et cum characteribus Sinensiuna*. Сія книга посвящена Лудовику XV, и напечатана въ Парижѣ въ 1742 году, въ листъ. Китайскія буквы грубовато вырѣзаны.

7

Іосифъ Генрихъ Премаръ, іезуитъ, написалъ *Notitia lingnae Sinicae*, на Латинскомъ языкѣ, а примѣры въ ней изложилъ Китайскими буквами. Сія книга долго находилась въ разныхъ Европейскихъ библіотекахъ въ рукописи; наконецъ Англичане напечатали ее въ Малаккѣ подъ названіемъ, *Notitia linguae Sinicae Auctore P. Premare, Malacae, Cura Academiae Anglosinensis, 1831, in 4, 962 стр. Показаніе (index) 28 стр.*

8

Маршманъ, Англійскій миссіонеръ въ Кантонѣ, напечаталъ *Claris Sinica*, на Латинскомъ языкѣ, въ Серампурѣ, въ 1814 году, 600 стран. Потомъ онъ издалъ Лунь-юй, переведенный имъ на Англійскій языкъ.

9

Морриссонъ, Англійскій миссіонеръ въ Кантонѣ, напечаталъ свою Грамматику Китайскаго языка въ Серампурѣ, въ 1815. году, подъ Китайскимъ названіемъ: *Тхунь-юнь-янь-чжи-фа*, съ присовокупленіемъ Англійскаго перевода: *A Grammar of the chinese language*, 8, 280. стр. Китайскія буквы въ сей грамматикѣ чисто вырѣзаны.

10

Абель Ремюза, членъ Французской Академіи, издалъ Китайскую Грамматику въ Парижѣ, въ 1833 году, подъ названіемъ: *Хань-вынь-ци-мынь*, *Elemens de la grammaire Chinoise*. Она напечатана in 4, и отличается отъ прочихъ грамматикъ чисто вырѣзанными Китайскими буквами.

11

Сія грамматика напечатана въ Макао, въ 1829 году, in 4, подъ названіемъ *Хань-цзы-*

вынь-фа, Arte China constante de alpnabeto e grammatica comprehendendo modelas las diferentes composiciones. Къ ней приобщень второй томъ, содержащій въ себѣ Словарь Португалo-Китайскій, расположенный по Латинскому алфавиту. Шрифтъ Китайскихъ буквъ не очень ясенъ, что могло зависѣть и отъ бумаги, которая нѣсколько сѣра.